

Лисьи меры длины

Лисы измеряют предметы на лисий лад, и нужно заметить, что измерения эти не так уж и точны, потому что у каждой лисы своё собственное мерило.

Лисий коготь — 1,5 см.

Лисий палец — 3 см.

Лисий хвост — приблизительно 1 м, но иногда 1,5 м или даже 2 м, смотря какая лиса.

Лисий чжан — длина лисы от носа до кончика хвоста, приблизительно 2,5 м.

Лисья пядь или лисья пятка — длина, равная отпечатку лисьей лапы, приблизительно 5 см. А ещё лисьей пяткой измеряют площадь.

Давайте решим несложную лисью задачку, чтобы проверить, хорошо ли вы теперь разбираетесь в лисьих мерках?

Задача от Недопёска, который плюхнулся лисьим персиком в песок и оставил в нём ямку длиной 30 см и шириной 25 см. Какова площадь отпечатка лисьего персика в лисьих пятках?

[101] Возвращение в Небесный дворец

Богиня небесных зеркал нетерпеливо мерила шагами площадку Небесной лестницы. Небесный император спустился в мир смертных, чтобы вернуть Первого принца в Небесный дворец. Они уже должны были вернуться, но что-то их задержало. Лёгкая тень предчувствия омрачила её лицо.

А если с А-Цинем что-то случилось? Им ведь так и не удалось определить, в кого переродился Первый принц. Из некоторых людей вытянуть душу даже небесными чарами непросто: если он переродился чиновником или колдуном, или разбойником, душу придётся долго очищать от скверны смертности, прежде чем вынуть её. Некоторые души, — например принадлежащие хэшанам*, — вынуть вообще невозможно: хэшаны настолько могущественны, что могут силой воли удерживать душу от вознесения. Лучше бы Первый принц переродился обычным человеком.

Императрица подумала, что постарается убедить Небесного императора не отсылать Первого принца обратно в мир смертных, а изменить изгнание на высылку в Нижние Небеса, где живут рядовые небожители, не приближенные к Небесному двору. Жизнь вне Небесно-

* Хэшан — странствующий монах.

го дворца тоже может считаться изгнанием и никоим образом не оспаривает Высочайшую волю.

Вернулся Небесный император. В воздухе у его головы плыл, раскинув руки и запрокинув голову, Первый принц, заключённый в духовную сферу.

— А-Цинь! — вскрикнула богиня небесных зеркал, бросившись к ним.

Небесный император остановил её жестом:

— Сначала войдём. Произошло кое-что непредвиденное. Не стоит никому об этом знать.

— А где стражники? — спохватилась императрица. — Вам пришлось сражаться в мире смертных?

Небесный император поджал губы и промолчал. Он казнил их по дороге в Небесный дворец: они видели и слышали слишком много.

В Южном цветочном павильоне, где жила императрица, в крыле, что занимал Первый принц до своего изгнания, Небесный император опустил бессознательного юношу на постель. Богиня небесных зеркал тут же бросилась к нему. Первый принц был в глубоком обмороке, его пульс и дыхание едва ощущались.

— Что с ним произошло?

Небесный император тщательно затворил двери и сказал негромко:

— Он переродился в мире смертных, но не в человека. Поэтому мы не видели его в небесном зеркале.

— В кого же он переродился? — испуганно спросила богиня небесных зеркал.

— В лисьего демона.

— Что?!

— Тихо, тихо! — недовольно сказал Небесный император. — Я сосчитал его хвосты, их всего восемь, так что ничего страшного, девятихвостым лисом он стать не успел.

— У него же нет хвостов?

— Они запечатаны человеческим обличем.

— Но как А-Цинь мог переродиться демоном?

— Я не знаю. Вечный судия может менять ранг перерождения, но демоны ему не подвластны. Первый принц переродился демоном по собственной воле. Другого ответа я не нахожу. Я не слишком хорошо знаю мир смертных, но известно, что живые существа могут перерождаться в призраков или демонов.

— Невозможно! — рассердилась императрица. — Его духовные силы очень близки к тем, что были у него до низвержения. Я не чувствую в нём Скверны.

Небесный император неохотно признал, что это так. Тело Первого принца переполняла духовная сила неизвестного происхождения, поэтому он не решился извлечь душу и принёс Первого принца на Небеса в том виде, в каком он пребывал в мире смертных.

— Позовёшь меня, когда он очнётся, — велел Небесный император. — После решим, что с ним делать. Его воспоминания уже должны были вернуться к нему.

Он бросил на Первого принца быстрый взгляд, pokrивился и вышел, несколькими хлопками в ладоши подзывая к себе слуг.

— Пришлите ко мне Третьего и Четвёртого циньванов*, — распорядился он, широкими шагами направляясь в тронный зал.

Старших сыновей он вернул ко двору, когда выяснилось, что они учатся усердно и делают успехи в культивации. Они всячески ему угождали, надеясь, что однажды им удастся вернуться к прежнему статусу.

— Первый циньван вернулся в Небесный дворец, — объявил Небесный император, когда сыновья явились на зов.

* Циньван — ненаследный принц.

Лица их вытянулись. Они меж собой поговаривали, как бы хорошо было, если бы младший брат сгинул в мире смертных безвозвратно, и обрадовались, узнав, что он затерялся где-то после перерождения.

— В ближайшее время проведём церемонию Становления, — продолжал Небесный император, кривя рот. — Но прежде нужно сделать кое-что. Пора испытать небесное оружие, которое я дал вам.

Они переглянулись. Поскольку Хуашэнь-хоу практиковала затворничество и не желала брать оружие в руки, Третий циньван получил небесный меч, Четвёртый циньван — небесный лук, и каждому было подарено по своре небесных молний.

— Я обнаружил в мире смертных гнездо Скверны, — сказал Небесный император, и его глаза холодно блеснули. — Вот что вы сделаете...

Он подозвал к себе сыновей и, понизив голос, отдал им распоряжения.

А в Южном цветочном павильоне Первый принц наконец-то открыл глаза.

[102] Ху Фэйцинь приходит в себя

Ху Фэйцинь пребывал в забвении, как ему казалось, бесконечно долго. На деле же прошло всего пять небесных часов. В мире смертных это равнялось примерно тридцати годам, на Лисьей горе время отмерило пять с половиной месяцев.

Придя в себя, он долго не открывал глаза. Голову разрывали наполнившие мозг воспоминания, смешивались с его лисьей памятью, искажали восприятие действительности. Он подумал, что если откроет глаза, то его попросту вырвет. Вернулось всё разом, и мозг не

справлялся с таким объёмом информации. Лисья память и память небожителя грызлись, точно озверевшие, одна старалась вытеснить другую, а он тщетно пытался устроить их вместе, чтобы помнить всё и ничего не забыть.

Его всё-таки вырвало, едва он открыл глаза. Кто-то перевернул его на бок и подставил ему миску.

— После перехода так бывает, — донёсся до него отдалённый голос.

Ху Фэйцинь был ещё ослеплён небесными молниями и столпом вознесения, потому видел нечётко. Перед ним маячили разноцветные пятна — так он воспринимал действительность в первую четверть часа. Когда зрение прояснилось, он разглядел, что подле него находилась женщина со сбившейся набок причёской.

Он с трудом выговорил:

— Матушка...

— А-Цинь, — обрадовалась богиня небесных зеркал, — ты меня узнаёшь?

Ху Фэйцинь моргнул в знак согласия. Глаза его заслезились, императрица стёрла влагу платком. Он почувствовал, что к его рту придвинули фарфоровую чашку — губы ощутили прохладу, — и сглотнул медленно закапавшую в рот тёплую жидкость. Это был персиковый нектар.

— Где я? — проговорил Ху Фэйцинь, крылья его носа подёргивались, он приняховался.

— В Южном цветочном павильоне, — ответила богиня небесных зеркал.

Ху Фэйцинь окончательно пришёл в себя и резко сел, вскрикнув:

— Ху Вэй!

Он быстро огляделся и увидел, что в павильоне, кроме него и его матери, никого нет. Он зажал висок ладо-

нюю — от этого резкого движения голову разломила боль — и спросил:

— Как я здесь оказался?

— Небесный император вернул тебя на Небеса, — сказала императрица, поддерживая сына за плечи. — Ложись обратно, ты ещё не оправился после перехода. И о чём думал Небесный император, забирая тебя в физическом теле!

— А... — произнёс Ху Фэйцинь, — так я вознёсся?

Желание, которое преследовало его в мире смертных, теперь не вызвало в нём никаких чувств. Быть может, потому что он знал, кто он и куда вознёсся, а ещё — почему так стремился вознестись.

«Всё это было лишь частью заклатья, наложенного на меня отцом», — подумал Ху Фэйцинь.

— Не волнуйся, — сказала императрица, нежно поцеловав Первого принца в висок, — я смогу убедить Небесного императора не изгонять тебя дальше Нижних Небес. Он был очень встревожен, когда ты потерялся.

— «Лисий хвост замечает все следы», — проговорил Ху Фэйцинь машинально. Значит, пророчество хэшана оказалось правдой: он вознёсся, когда оставил мысль о вознесении.

Богиня небесных зеркал едва заметно поморщилась, но сказала преувеличенно бодрым голосом:

— Об этом тоже не волнуйся. Небесный император сказал, что раз у тебя всего восемь хвостов, то не о чем беспокоиться. Мы отыщем способ очистить твою душу от демонической примеси.

«Восемь?» — удивился Ху Фэйцинь и тут же стал пересчитывать мысленно хвосты. Их было девять. Он сообразил, что когда отец подсчитывал хвосты, то не заметил половинку настоящего и потому ошибся в расчётах.

— Как ты стал демоном, А-Цинь? — осторожно спросила императрица.

— А... — отрешённо отозвался Ху Фэйцинь. — Я переродился лисом и культивировал в лиса-оборотня, надеясь, что если буду заниматься культивацией, то однажды смогу вознестись, но после оставил эту мысль, поскольку лисьи демоны не возносятся.

Небесный император, который остановился за дверью и слушал, вошёл и знаком предупредил, чтобы никто не вставал.

— Первый циньван, твоя память вернулась к тебе?

Ху Фэйцинь ответил утвердительно.

— И ты помнишь, за какой проступок был изгнан с Небес?

— Ваше величество! — воскликнула богиня небесных зеркал, решив, что Небесный император собирается прямо сейчас низвергнуть Первого принца вторично.

Ху Фэйцинь помнил и, надо заметить, ничуть не раскаивался. То, что он увидел и узнал в смертной жизни, лишь убедило его, что он поступил правильно: даосы попытались свести его в могилу, а лисьи демоны были добры к нему, но если бы он следовал небесной логике, то должен был бы почитать даосов, а демонов ненавидеть, невзирая на их сущность.

— Я помню, — только и сказал он.

Небесный император пристально поглядел на сына. Лицо того ничего не выражало, взгляд льдистых глаз был спокоен.

— Мы поговорим об этом, когда ты придёшь в себя после перехода, — сказал Небесный император. — А куда ты останешься в Южном цветочном павильоне под присмотром твоей матери. Мне нужно посоветоваться с небесными советниками, чтобы решить, что с тобой

делать. Я забрал на Небеса твою физическую оболочку. Так не делается.

Ху Фэйцинь сообразил, что Небесный император попросту побоялся вытаскивать из него душу, потому что не знал, получится ли и есть ли у лисьих демонов душа вообще. Значит, его живым взяли на Небеса. Бесprecedентный случай. А вот интересно, что бы Небесный император сказал, узнав, что ошибся с подсчётом хвостов?

Небесный император прочистил горло и сказал:

— Тебе запрещается принимать демоническое обличье. Никто не должен узнать, что ты культивировал в лица-оборотня, пока был в мире смертных. У Тайцзы* должна быть безупречная репутация.

И Небесный император вышел, а Ху Фэйцинь понял, что его статус наследного принца до сих пор при нём. Не сказать, чтобы это открытие его порадовало.

[103] Коварство Небесного императора

— Небесный император запретил тебе покидать Южный цветочный павильон, — сказала императрица.

Ху Фэйцинь, отлежавшись немного, сказал, что хочет пройтись и навестить Вторую принцессу — они ведь так долго не виделись.

Вообще-то именно это он и собирался сделать, но лисья жилка внутри него так и подталкивала сбежать с Небес обратно на Лисью гору. Ему хотелось узнать, что стало с Ху Вэем. Смутно он помнил, что тот попытался остановить его вознесение, но у него не хватило

* Тайцзы — наследный принц.

сил, и он просто шлёпнулся обратно на землю с клочком шерсти, который вырвал из хвоста возносящегося лиса.

— Отец ведь не думает, что я сбегу? — спросил Ху Фэйцинь.

— Ну что ты!.. Но не навлекай на себя его гнев, пока он не принял окончательное решение.

— Как по мне, так он его уже принял, — пробормотал Ху Фэйцинь, — он назвал меня Тайцзы, значит, не собирается прогонять из Небесного дворца.

— А-Цинь, ты ведь станешь Тайцзы? — осторожно спросила императрица. Ей не понравилось, как сын это сказал.

Ху Фэйцинь нахмурился, но не ответил. Вместо этого он спросил:

— Ну хоть по двору Южного цветочного павильона мне можно гулять? Я задыхаюсь в четырёх стенах.

По этому поводу Небесный император ничего не говорил: двор ведь тоже мог считаться частью Южного цветочного павильона.

Императрица сказала:

— Думаю, да. Но... А-Цинь, никто не должен...

— Ты о моих хвостах? — уточнил Ху Фэйцинь. — Не волнуйся, они появляются только по моему желанию. Никто не узнает, что я лисий демон.

Императрица прослезилась:

— А-Цинь, не говори так! Небесный император непременно отыщет способ вытравить из тебя Скверну.

— Скверну... — с усмешкой повторил Ху Фэйцинь. — Знакомое словечко...

Богиня небесных зеркал с тревогой посмотрела на сына. Он никогда так не усмехался. Она подумала, что он вернулся... не вполне собой, но изменения были столь неуловимы, и она не смогла сразу понять, что именно в нём переменялось.

Глаза. Это были глаза. Вместо обычных зрачков в них были узкие вертикальные полосы — зрачки лисьего демона.

Ху Фэйцинь всё-таки вышел во двор, медленно прошёлся между персиковыми деревьями. Ступать было тяжело, что-то словно давило на плечи. Он сообразил, что дело в его физической оболочке. Структура тела небожителя отличалась от человеческого. Принцип построения был тот же, но материалы различались: небожители были манифестацией собственных духовных сил, каждая клетка их тела была сформирована и материализована из Ци, а не из плоти и крови.

Ему казалось немного странным, что Лисье пламя* ведёт себя спокойно. Но что-то было не так с тринадцатым языком пламени, окружённым алой демонической Ци. Оно разрослось, трепетало, словно в него подлили масла, Ху Фэйцинь даже физически ощущал исходящий от него гул. Вероятно, чистопородным демонам воздух Небес не нравился, поэтому тринадцатый язык принялся буяннить. Успокоить его не удавалось, и Ху Фэйцинь просто перестал обращать на него внимание.

Он уже почти дошёл до края сада, как увидел идущих по дорожке и весело что-то обсуждавших старших братьев. Встречаться с ними ему не хотелось, он отступил и встал за персиковым деревом. Так его не было видно, и они могли пройти мимо даже не подозревая, что он здесь и слышит их.

— Небесное оружие — потрясающая штука, — сказал Третий принц. — Одного удара хватило, чтобы разорить это гнездо Скверны.

* Лисье пламя — аналог Золотого ядра у лис. Золотое ядро — результат долгого и упорного совершенствования тела и духа, формируется из определенного количества светлой энергии.

— Как они бегали и вопили, эти жалкие демоны! — фыркнул Четвёртый принц.

— Точно никого не упустили? Они шустрые.

— Небесные молнии не промахиваются.

— Они ведь уже давно там засели, почему отец распорядился уничтожить их гнездо только сейчас?

— А ты не знаешь? Из-за Тайцзы, конечно. Я подслушал. Он, оказывается, жил с демонами в мире смертных. Об этом никто не должен узнать, поэтому гнездо было велено стереть с лица земли. Что бы о себе возомнили эти демоны, если бы узнали, что с ними жил Тайцзы?

Они расхохотались и пошли дальше, весело обсуждая устроенную ими резню.

Ху Фэйцинь почувствовал, что внутренности заполняет ледяной холод. Глаза его остекленели, губы приоткрылись, но с них не сорвалось ни звука. Они говорили о Лисьей горе! Небесный император решил подстраховаться и велел стереть лисье логово с лица земли, чтобы у Первого принца не осталось ходов отступления: если бы он решил покинуть Небеса, ему бы попросту некуда было возвращаться. Ледяной холод внутри превратился в бушующее пламя. Глаза Ху Фэйциня засветились белым светом.

— А-Цинь...

Он резко развернулся. Это была его мать.

— Ты знала? — прорычал он, сообразив, что она тоже слушала разговор Третьего и Четвёртого циньванов.

— А-Цинь, я ничего не могла...

— Ты знала?!

— А-Цинь...

— Ты должна была сказать мне!!!

Он, разъярённый, превратился в белую молнию и, пробив Небесный барьер, камнем упал вниз, в мир смертных, разрывая в клочья облака. Стражники, охра-

нявшие барьер, забежали вокруг образовавшейся дыры, в которую воронкой затягивало небесный воздух.

Богиня небесных зеркал велела:

— Никому об этом не говорите.

Она накрыла дыру одним из зеркал, пряча её. Она знала, что Первый принц скоро вернётся, вот только не была уверена, кем или чем он вернётся.

[104] Ху Фэйцинь пришёл слишком поздно

Белая молния ударила у подножия горы Хулишань. Раздался такой гул, что деревья застонали и перегнулись, не ломаясь, до самой земли. В образовавшуюся воронку покатались камни, вырванные с корнями растения и не успевшие сбежать живые твари.

Белое сияние схлынуло, на дне кратера стоял Ху Фэйцинь, одежда и волосы его слегка дымились, белый свет заливал глаза.

Он поднял голову и поглядел на Хулишань. Верхушка её была снесена начисто, вместо привычных облаков небо над горой заполнил чёрный дым пожара, в воздухе витал запах смерти.

Ху Фэйцинь заскрежетал зубами и помчался по изломанной лестнице на вершину горы. Камни под ногами обрушивались, сверху сыпались клочья пепла.

Он взлетел на гору буквально за полминуты и остановился, широко раскрывая глаза.

От Лисьего дворца остались лишь дымящиеся развалины. Поваленные персиковые деревья превратились в обугленные обрубки. Повсюду под камнями торчали обгоревшие лапы лис, кое-где — руки или ноги лисьих демонов. Запах горелой плоти тошнотворно вползал